

Иванов катер

Автор:

Борис Васильев

Иванов катер

Борис Львович Васильев

«Вечерами в маленькой поселковой больнице тихо. Бесшумно скользнет по коридорчику сестра, разнося градусники. Прокряхтит сухонькая старушка, да скрипнет дверь за мотористом с «Быстрого», выходящим покурить в холодные сени.

А сегодня тишина нарушилась тяжелыми шагами врача, беготней сестер, тревожным скрипом носилок...»

Борис Васильев

Иванов катер

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вечерами в маленькой поселковой больнице тихо. Бесшумно скользнет по коридорчику сестра, разнося градусники. Прокряхтит сухонькая старушка, да

скрипнет дверь за мотористом с «Быстрого», выходящим покурить в холодные сени.

А сегодня тишина нарушилась тяжелыми шагами врача, беготней сестер, тревожным скрипом носилок.

Моторист выскочил в коридор:

– Никифорова с Иванова катера в операционку повезли.

– Утоп!.. – ахнула бабка.

– Нет, бабка, за борт свалился...

За разговорами не заметили, как по коридору мимо палат прошли двое; один прихрамывал, крепко налегая на палку.

Он был немолод. От хромоты в левой ноге чуть сутулился и при ходьбе привычно выносил вперед правое плечо. Морщины избороздили до черноты загорелое лицо, и особенно много их набежало возле глаз, словно человек этот всю жизнь смотрел против ветра.

Он шел, стараясь без стука ставить палку, а впереди беззвучно летела девчонка-сестра, от бьющей через край энергии выворачивая по-балетному носки матерчатых тапочек. У операционной остановилась:

– Посидите.

Боком скользнула в дверь, а он осторожно присел на краешек стула, поставив между ног палку.

Как все здоровые люди, он был чуть напуган больничной тишиной: стеснялся сесть поудобнее, скрипнуть стулом, поправить сползавший с плеча тесный халат. Стеснялся своего здоровья, стоптанных башмаков из грубой кожи и тяжелых рук, сплошь покрытых ссадинами и порезами.

– Иван Трофимыч?.. – Моторист опять вылез в коридор.

- Петр? - шепотом удивился Иван. - Ты чего тут?

- Аппендикс вырезали, - не без гордости сообщил моторист, садясь рядом. - Флегмонозный.

- С Федором-то беда какая... - Иван вздохнул.

- А что случилось?

- Запань у Семенова лога утром прорвало. Не знаю, откуда вода пришла, а только рвануло троса, и понесло лес в Волгу. А тут - ветер, волна. Треск стоит - голоса не слышно. Ну, все кто куда: с лесом не пошutiшь.

- Ай-ай-ай!.. - опечалился моторист. - И много ушло?

- Да нет, немного. Аккурат мы воз навстречу вели, к «Немде» цеплять. Пиловочник сплошь, двести сорок метров. Ну, увидал я: лес в лоб идет...

- Буксир топором да к берегу! - сказал моторист. - Затрет бревнами - «мама» сказать не успеешь.

Иван улыбнулся.

- А я по-другому рассудил. Плот только сплочен, троса добрые, а ширина в этом месте невелика: развернул, корму в Старую Мельницу сдал - там камни, уязвил прочно. А катерок свой за мысок спрятал. Знаешь, где малинники?

- Ну?

- Ну и сдержал лес, не пустил в Волгу-то, на простор.

- Ишь, сообразил! - завистливо вздохнул моторист. - Премия, поди, будет, благодарность...

- Благодарность, может, и будет, а вот помощника уж не будет, - вздохнул Иван. - Как ударило нас первой порцией - троса запели, а Федора на бревна

сбросило. Выловили, а рука на жилах висит.

– Оклемается, – уверенно сказал моторист. – Мужик здоровый. Да и доктор молодец: меня пластал – любо-дорого.

Стемнело, когда из операционной вышел доктор. Увидев его, моторист трусливо юркнул в палату. Скрипнув стулом, Иван встал навстречу, но доктор опустил ся рядом, и Иван, постояв немного, тоже присел. Он стеснялся начинать разговор, а доктор молчал, медленно разминая в пальцах папиросу.

– Перелом позвоночника, – сказал он, прикурив и глубоко затянувшись. – Скверное дело, капитан.

– Долго пролежит? – тихо спросил Иван, плохо представляя, что это значит.

– Всю жизнь. – Врач курил жадно, изредка разгоняя рукой сизые клубы дыма. – Всю жизнь, капитан, какая осталась...

– Трое детей... – невольно вырвалось у Ивана.

– Что?

– Трое детей, – повторил Иван и опять встал. – Старшему – двенадцать, не больше...

Доктор молчал. Вспышки папиросы освещали его осунувшееся лицо и капли пота на лбу.

– Рыбки можно ему?

– Рыбки? – переспросил врач. – Фруктов хорошо бы. Витамины, понимаешь?

И опять замолчал. Иван постоял немного и, тихо попрощавшись, похромал к раздевалке.

В раздевалке он сдал халат и в обмен получил потрепанный рабочий пиджак. Пожилая гардеробщица любопытствовала насчет Никифорова, и он сказал ей, что дело Федора плохо и что у него трое детей. Гардеробщица, вздыхая и сокрушаясь, отперла уже по-ночному заложенные двери, и он вышел на темную окраинную улицу поселка.

Он привычно свернул вниз, к пристаням, но, пройдя немного, остановился. Посмотрел на часы и, быстро перекидывая палку, враскачку зашагал по узкой крутой тропинке от угла и громко постучал палкой по запертой калитке.

Сквозь надрывный собачий лай послышался сиплый со сна голос:

– Кого нелегкая?

– Это я, Бурлаков. Открой, Степаныч, дело к тебе.

– На место, дармоед!.. – В щели чуть приоткрытой калитки показалась осанистая фигура. – Что за дело?

– Яблоки у тебя есть, Степаныч?

– Яблоки?.. – Хозяин неожиданно тоненько захохотал. – Какие тебе яблоки в июле, старый пень?

– Понимаешь, Никифоров в больнице. Доктор фрукты велел...

– В больнице?.. – Хозяин задумался. – В больнице – это другое дело. – Он распахнул калитку. – Шагай, Трофимыч. Осторожно, приступочка тут.

Вслед за Степанычем Иван поднялся на крыльцо и прошел в темные сени. Хозяин щелкнул выключателем; голая лампочка осветила просторное помещение, заваленное плетеными корзинами, мешками и ящиками.

– Фрукт – великое дело. – Степаныч выволок из угла дырявый мешок, развернул: на дне лежали битые зеленые яблоки. – Первый урожай. Сам бы ел, но ради такого дела...

– Кислятина, поди.

– Ты что? Папировка, первый сорт. Гляди-ко... – Хозяин взял яблоко и начал с хрустом жевать его, причмокивая от удовольствия. – Восемь килограмм, хоть на безмене прикинь.

– Почем же?

– Ну, как для больного – по рублю.

– Круто берешь, Степаныч...

– Первые ведь, от себя отрываю.

Иван молча отсчитал деньги, взвалил на плечо мешок. Хозяин вел его к калитке, по инерции расхваливая уже проданный товар:

– Витаминов в этих яблоках – вагон! У меня вон детсад закупает, прокурор для больной жены. Сила яблоки: сорт особый... Счастливо, Трофимыч! Заходи, если что. Тебе – в первую очередь...

По крутой тропинке Иван спустился к пристаням и сразу увидел плакаты с броской надписью: «Герои нашего затона». Героев узнать было бы невозможно, если бы художник не подписал каждый портрет: «Капитан Иван Бурлаков», «Помощник капитана Федор Никифоров», «Матрос Елена Лапушкина». Все трое сурово глядели вдаль...

Катера стояли за полузатопленной баржей. Они были одинакового размера, формы, убранства, одинаково освещались сигнальными фонарями, и только на самом дальнем совсем по-домашнему сушилось на веревке белье.

Иван прыгнул на катер, гроыхнув по железной палубе костыльком. На шум из рубки выглянула худенькая молодая женщина в выгоревшем ситцевом платье; голова ее была повязана полотенцем.

– Вы, Иван Трофимыч?

- Ты чего это в полотенце?

- Голову мыла. Как Федор?

Он присел, вытянув натруженную ногу, закурил и рассказал, что говорил доктор и как он заходил к Степанычу за яблоками.

- Плохо, Еленка.

- Шесть душ кормил, - вздохнула она. - Шесть душ, сам седьмой...

- Сам седьмой, - повторил Иван, упорно разглядывая огонек папиросы.

Они опять замолчали. Еленка стояла, по-бабьи пригорюнившись, опустив худенькие плечи, чуть прикрытые легким платьем, а он неторопливо курил, по привычке держа папиросу огнем в ладонь.

- Кого-то вместо Федора пришлют, - не то спросила, не то сказала она.

Иван бросил папиросу за борт, поднялся:

- Пойдем в кубрик. Застынешь.

По железному трапу они спустились в тесный низкий кубрик. Четыре дивана окружали небольшой, прикрепленный к полу стол; три из них были застланы. В углу возле трапа размещалась вделанная в железный шкаф печурка; остывая, она изредка потрескивала. В противоположном углу был шкаф для одежды и еще один маленький подвесной шкафчик, в котором хранились судовые документы, ведомости, бинокль и прочее ценное имущество.

От недавно истопленной печи в кубрике было душно. Иван снял пиджак и палкой открыл потолочный люк. Свежий воздух ринулся вниз, а Иван с беспокойством оглянулся на Еленку:

- Не надует?

– Нет. – Она ловко поворачивалась в тесном проеме между печуркой, кухонным столиком и трапом, готовя ужин. – Я уж и постирать успела, и помыться, и обсохнуть, пока вы ходили.

Большими ломтями она нарезала черный хлеб, подала соль, пучок зеленого лука, ложку и большую эмалированную миску, доверху налитую густой ухой. Он взял было ложку, но посмотрел на Еленку и отложил:

– А ты что же? Или не голодна?

– Не хочу, – сказала она. – Вы кушайте. Не знаю, горяча ли уха.

– В самый раз, – сказал он и начал есть, а она села напротив и подперла подбородок рукой.

Они вообще говорили мало, а за едой не говорили никогда, потому что еда не была для них развлечением. Еленка просто молча глядела, как неторопливо и старательно он ест, как аккуратно подставляет под ложку ломоть хлеба, чтобы уха не капала на стол и чтобы ей было меньше хлопот с уборкой. Она любила смотреть на него, когда он ел: в ней появлялось уютное чувство хозяйки, заботливо кормящей главу семьи после тяжелого трудового дня, и тогда тесный кубрик казался просторным домом, бревенчатые стены которого веками источают смолистый дух...

Иван вытащил из миски большую разваренную рыбу и стал есть ее, выбирая кости.

– Хорошего Федор подъязка поймал... – начал он и, поняв, что ест сейчас, пожалуй, последний улов, который выпал на долю его помощника, сказал: – Яблоки Федору отнесешь в больницу. Я утром к домашним его зайду, а оттуда – в контору: надо нового помощника искать.

Потом он вылез на палубу покурить, а Еленка убрала со стола и вымыла яблоки, заботливо вытерев каждое. Ей хотелось надкусить одно, почувствовать во рту кислый до оскомины сок, но она только понюхала их и сложила в сшитый из старой наволочки мешок.

Покончив с хозяйством, она разделась и легла. За тонким бортом чуть слышно плескалась вода, а в кубрике было так тепло и привычно, что она почти сразу же уснула и не слышала, как Иван с грохотом запирает на ночь тяжелую дверь рубки.

Иван легко засыпал в любом месте – будь то узкий диван кубрика или колючий лапник фронтовых привалов. Спал без сновидений и всегда на правом боку, но сегодня никак не мог уснуть.

Глупо и обидно, что человек, как бы силен он ни был, не может предотвратить беду. Стоять бы Федору на шаг правее борта сегодняшним утром – и спокойно храпел бы он сейчас на соседнем диванчике. Всего на шаг правее. На полшага...

Он тяжело заворочался, но, боясь разбудить Еленку, сразу притих: молодые любят спать, им это полезно.

Еленка... Две женщины в его жизни, но первую не стоит вспоминать. Первая родила ему Сашка, а любви не было, и вышло ни то ни се, ничего не вышло, если говорить честно. И правильно, что отдал он тогда жене дом, а себе взял новый костюм да ордена, которые надевал три раза в год: на праздники и в День Победы. Очень правильно, хоть и бобылем оказался уже в возрасте, когда у других – и дети, и радость, и место за столом, которого никто не займет. А она вроде бы счастлива теперь, и то ладно...

Расчесал ты, Иван, старую болячку: зуд по всей душе пошел. Покурить надо. Покурить, проветриться – и забыть.

Иван спустил ноги с чуть вздохнувшего дивана. Ощупью нашел штаны, накинул на плечи пиджак и, растопырив руки, пошел к трапу. Нащупал поручни и полез в рубку, с силой подтягивая тело. В рубке разыскал старые галоши (Еленка в них мыла палубу, когда было жарко и железо нагревалось так, что босиком и не ступишь), не смог в них влезть и, громыхнув-таки дверью, вышел на палубу.

Небо было в тучах, звезд не видно, а луна еще не народилась. Иван присел на крышу моторного отделения и закурил.

Вода чуть слышно плескалась о борт. Она плескалась всегда – днем и ночью, в штиль и шторм, но он слышал этот плеск только по ночам, если случалось не

спать. А в остальное время просто исключал его из сознания, как городской житель исключает грохот трамваев. А ночью любил слушать...

Замерзнув до озноба, он бросил окурок, запер дверь рубки и осторожно спустился в черноту кубрика. Нырнул под одеяло, и пружины дружно вздохнули под его тяжестью. Натянул одеяло до подбородка и закрыл глаза.

Он открыл их, вдруг почувствовав, что Еленка стоит рядом.

– Проснулась?

– Я давно проснулась, – сказала она. – Я слышала, как вы ворочались и вздыхали.

– Надо спать, – сказал он, невольно притягивая ее к себе. – Надо спать, а то что мы завтра за работники будем...

Он почувствовал, как губы касаются его щеки: она никогда не целовала его, а только касалась губами, смешно вытягивая их. Он повернулся на бок, и она быстро юркнула под одеяло.

– Зачем вы по железу босиком ходите?..

Они любили друг друга молча. Ни разу ни одного ласкового слова не расслышал Иван и тоже молчал, про себя выдумывая ей самые нежные прозвища...

Было еще совсем темно, когда Еленка шевельнулась.

– Что так рано? – спросил он.

– Лифчик у меня сохнет, – сказала она, и он понял, что она улыбается. – Рассветет – мужики смеяться начнут: что, мол, за сигнал поднят на Ивановом катере?

Она чуть коснулась рукой его лба, и он с сожалением отпустил ее. Он всегда отпускал ее с сожалением: слишком уж коротки были летние ночи.

Утром, пока Еленка готовила завтрак, он достал из носового трюма пять больших лещей: он сам наловил их, сам солил, сам коптил на можжевельнике так, что кожа их даже в сумерки светилась теплым золотистым светом.

- Никифоровой, - сказал он, поймав удивленный взгляд Еленки. - Скажу, что Федорова доля осталась.

- А Сашку?

Иван помолчал, нахмурился. Буркнул под нос:

- Обойдется Сашок без рыбки.

Они позавтракали вчерашней ухой, напились чаю и сошли на берег. Еленка свернула вверх, к больнице, а Иван, зажав под мышкой пакет с лещами, похромал вдоль причалов, здороваясь с каждым встречным.

Дом Никифоровых стоял с края берегового порядка. Федор поставил его прошлым летом, получив за два года стажировочные и взяв ссуду в конторе. Иван все время думал об этой ссуде, но надеялся, что теперь начальство либо скостит долг Никифорову, либо, на худой конец, растянет его на много лет...

Он хорошо знал этот дом: Федор часто приглашал капитана то на дочкины именины, то на рождение сына. Иван покупал тогда бутылку водки, а Еленка надевала синее шерстяное платье. Хорошие это были вечера...

Он толкнул тяжелую дверь и вошел в дом. За дощатой перегородкой, отделявшей жилую комнату от маленькой прихожей, слышался громкий обиженный плач.

- Паша!.. - окликнул Иван.

Плач стал сильнее, но ответа не последовало.

- Есть кто живой? - спросил Иван, все еще не решаясь без приглашения идти в комнату.

– Я живой, – недовольно ответил мальчишеский голос, и на русской печи задвигалось что-то похожее на худой, обтянутый штанами зад. Зад этот, вильнув, попятился к приступочке, и Иван наконец разглядел Вовку – старшего отпрыска Никифорова рода.

– Здравствуй, дядя Иван, – степенно сказал Вовка, подавая левую руку, так как в правой он держал шерстяные, домашней вязки женские чулки.

– Чего Оленька кричит?

– Развивается. – Вовка сел на пол и стал надевать чулки на худые исцарапанные ноги. – Может, артисткой будет: орет больно здорово.

Чулки были велики, но Вовка не обращал на это внимания, деловито прикручивая их к тощим икрам специально припасенными веревочками.

Поняв, что толку от Вовки не добьешься, Иван аккуратно вытер ноги о половичок и прошел в комнату. В углу на неприбранной кровати кричал ребенок, приваленный подушкой. Увидев Ивана, ребенок сразу перестал орать и улыбнулся, показав два крохотных зуба.

– Ну что, Ольга, орешь? – спросил Иван, снимая с нее подушку. – Мокрая небось?

Он развернул девочку, переменял простынку и вновь уложил Ольгу на место. Девочка пускала пузыри и улыбалась, крепко держа Ивана за палец.

– Она кормлена? – спросил Иван.

– Кормлена, – сказал Вовка. – Бабка кашу варила.

Остатки каши были разбросаны по столу. Там же стоял чугунок, грязные тарелки и хлеб.

– А где бабка?

– В церкви. Пошли они с дедом в церковь и Надьку с собой увели.

– А мать?

– В больнице. Еще не рассвело – побежала. Все равно к папке не пустят, чего бежать?

Вовка вошел в комнату. Кроме бабкиных шерстяных чулок на нем были надеты тяжелые башмаки.

– Ты чего это в чулки вырядился?

– Это теперь не чулки, – сказал Вовка, любуясь собой в зеркало, подвешенное на стене. – Это теперь гетры, дядя Иван. Гетры – футбольная форма.

Иван посмотрел на него, сказал серьезно:

– Плохо с отцом-то, Вова.

– А чего плохо-то? Чай, не утонул: отлежится.

– Эх, глупый!.. – Иван с сожалением и очень стесняясь высвободил палец из детского кулачка. – Рыбу я там принес. Сунь ее в подпол.

Вовка нехотя пошел исполнять поручение. Пока он, сопя и вздыхая, громыхал тяжелым люком, Иван собрал грязные тарелки, смахнул со стола, прикрыл хлеб и чугунок с кашей кухонным полотенцем.

– Ты бабки дождись или матери, футболист, – сказал он, когда Вовка вернулся. – Ребенка одного не оставляй.

– А что ей сделается? – недовольно спросил Вовка. – Я ее подушкой привалю, чтобы не ползала и не убилась.

Из разговора было ясно, что Вовка уже все продумал и спорить с ним бесполезно. Поэтому Иван начал издали:

– Ты вроде рыбачить со мной собирался? – Вовка мгновенно повернулся к нему.

- Когда пойдём?

- Когда?.. - Иван испытующе посмотрел на него. - Три условия тебе ставлю: посуду помыть, воды в бачок натаскать и Ольгу не оставлять. Выполнишь?

- Выполню, - вздохнул Вовка.

- Завтра в семь приходи к катеру. Знаешь, где стоим?

- Знаю! А чего брать? У меня и на верхоплавку есть, и закидушка...

- Снасть будет полная. Пальтишко захвати.

- Так тепло. Лето.

- Леща пойдём брать, Вова. А лещ, он ночью ловится, в тишине. - Иван положил руку на нечесаную, добела выгоревшую голову мальчишки и подумал, что здорово решил насчёт рыбалки: значит, часть улова можно будет свободно отдать Вовке как долю в общем труде.

- Все сделаю, дядя Иван, - говорил Вовка, провожая его к дверям. - Посуду помыть - раз, воды натаскать - два, Ольгу не оставлять...

- Да, вот ещё, - Иван остановился. - Матери скажешь, чтобы сегодня же в отдел кадров с паспортом пришла. Со своим паспортом, не забудешь?..

Иван шел назад легко и быстро. Все же удачно начался день: и с Вовкой он справился, и насчёт рыбалки придумал, и вовремя, очень даже вовремя вспомнил, что Паша Никифорова нигде не работает. И только досадное обстоятельство портило настроение: как же это можно идти в дом, где малые дети, и не захватить с собой кулек карамелек?..

На крыльце приземистого одноэтажного дома, где размещался отдел кадров, сидел рослый парень, сбив на затылок помятую форменную фуражку с треснувшим серебряным «крабом». У ног его стоял потрепанный чемоданчик, к ручке которого был лямками привязан плотно набитый солдатский вещмешок.

Темные масляные пятна окрасили мешок в грязно-черный цвет: видно, хозяин швырял его где попало. Флотские брюки парня, зауженные согласно столичной моде, тоже были в пятнах и потеках, зато белоснежная рубашка сияла ослепительной чистотой; в вырезе ее виднелись неправдоподобно синие полосы новенькой тельняшки.

- Откуда будешь, парень? - спросил Иван.

- Снизу, - равнодушно ответил парень.

- Горьковский?

- Почти что угадал.

- А чего здесь сидишь?

- Начальство документы изучает...

Он вдруг цепко, искоса глянул на Ивана.

- Говорят, у вас плавсостав укомплектован под завязку. Верно?

- Кто его знает, - уклончиво сказал Иван. - Вроде бы нет...

- Значит, в лапу ждет! - Парень выругался. - Либо на пол-литра рассчитывает.

Начальник отдела кадров получил на фронте штыком в живот и с той поры ел одну манную кашу с молоком.

- С дизелями знаком? - спросил Иван.

- Судовой механик... А что?

- Посиди пока. Узнаю, - сказал Иван и мимо парня прохромал в отдел кадров.

Начальник отдела кадров был худ и черен, как ранний грач. Иван давно знал его: еще до войны вместе ходили в клуб водников на танцы.

– Здорово, герой затона. – Улыбка у начальника пряталась в глубоких морщинках, и о существовании ее догадывались немногие. – Сразу могу обрадовать: начальство премию вам отгрохало.

Иван промолчал.

– И еще одно, уже по секрету. Сегодня местком заседать будет насчет твоего катера. Полагаю, решат присвоить имя, Иван Трофимыч. Большая честь тебе оказывается.

Раньше не было такого порядка: мелкие суда шли под номерами, крупным наименования присваивали либо на судоверфи, либо приказом по пароходству. А как выбрали в бюро Володьку Пронина, так все пошло иначе. Сумел Володька начальству внушить, что имя для судна почетней благодарностей, и присвоил местному право решать, кто этого почета достоин.

– Только пока – ни гугу, – сказал начальник. – Будет приказ, будет и оркестр. – И опять собрал возле рта морщины, запихал в них улыбку и спросил: – Рад?

– Рад, – вздохнул Иван и закурил, стряхивая пепел в ладонь, потому что начальник курящих не жаловал и пепельниц не держал. – Рад-то рад, Николай Николаич, только кто дает, тот и отбирает.

– А ты оправдай.

– Так ведь не посуху ходим, а по воде. – Иван улыбнулся, потом помолчал, показывая этим, что шутки кончены, и сказал серьезно: – Ты вот что, Николай Николаич, ты жену Федора Никифорова оформи матросом ко мне на катер.

Начальник с удивлением посмотрел на Ивана.

– Трое детей, Николаич. На Федорову пенсию не потянет.

– Жалостливый ты больно мужик, Иван Трофимыч, – с неудовольствием сказал начальник.

– Надо, Николай Николаич. Был я у них: надо.

Начальник только вздохнул.

– Ладно. Пришли ее сегодня с паспортом.

– Сама придет: я Вовке, сыну ее, наказал.

Начальник пометил что-то в календаре, усмехнулся:

– В начале навигации ты обязательство брал сократить экипаж с пяти до трех человек. Было такое?

– Было, – сказал Иван. – При толковом помощнике вполне можно обойтись без моториста и второго матроса.

– А теперь сам второго матроса просишь. Некрасиво получается.

– Утремся, – сказал Иван. – Напишу заявление, что погорячился и без второго матроса обойтись не могу. Ну, ругнут меня на партсобрании, а Паша Никифорова каждый месяц полсотни получать будет. Правильно или неправильно?

– Правильно вообще-то, – согласился начальник. – Продавай свою рабочую гордость за полста рублей.

– Ничего, – улыбнулся Иван. – Не такой уж я гордый.

– Ну, договорились, – сказал начальник. – Второй вопрос: кого вместо Федора?

– Вместо Федора?.. – Иван встал, подошел к окну, выбросил пепел с ладони. – А что за парень у тебя на крыльце сидит?

– Не советую, Трофимыч, – поморщился начальник. – Ой не советую.

- Почему?

Начальник придвинул лежащие с краю стола документы, раскрыл трудовую книжку.

- «Прасолов Сергей Павлович, – читал он, изредка поглядывая на Ивана. – Специальность – судовой механик, холост...» Подходит?

- По всем статьям.

- Погоди. – Начальник перевернул несколько страниц и с выражением прочел: – «Уволен из Саратовского грузового порта десятого июня сего года по собственному желанию...» – Он отложил книжку и посмотрел на Ивана.

- Ну? – спросил Иван, ничего не поняв.

- Парень в середине навигации по собственному желанию ушел. Спросил я его, что же это за желание такое: бросить Саратовский порт и к нам в глухомань приехать? Смеется: у вас, говорит, невесты на всю Волгу славятся.

- Может, человек веселый.

- Веселый?.. Это ведь пишется только, что по собственному желанию. Не первый год кадрами заведу: знаю. А что там у него на самом деле было – поди вон к тетке Авдотье да погадай.

- Значит, неправду в документах пишут?

Начальник досадливо поморщился:

- Есть, Иван Трофимыч, правда, а есть – истина. Против истины мы ни на волос не согрешим: дело это святое... – Он вздохнул. – Сколько у тебя матросов вместе с Никифоровой будет?

- Два.

- Правильно: зарплата – двоим, а палубу драить – одна Елена. Так?

- Ну?

- Так где же она, правда-матушка?

- А-а... – Иван улыбнулся. – Подкусил!

- Вот так и в нашем деле, – со вздохом сказал начальник.

Он замолчал и снова стал придирчиво изучать трудовую книжку судового механика Прасолова.

- А вдруг – не так? – сказал Иван и встал. – Вдруг ты ошибаешься, Николай Николаич? Вдруг он и вправду по собственному желанию уволился и к нам приехал с дорогой душой, а мы...

- Сомневаюсь, – сказал начальник.

- А я не могу человека загодя плохим считать, – с непривычной горячностью сказал Иван.

- Значит, хочешь брать?

- Беру. Опыт у него есть?

- Достаточный, – сказал начальник. – Он вон и по Енисею навигацию проплывать успел... Ладно, Трофимыч, гуляй себе на катер, прибирайся, а парня я пришлю. Только помни: я тебя по дружбе предупредил, и чтобы потом...

- Ничего потом не будет, – сказал Иван и, пожав сухую, всегда горячую руку начальника, вышел из отдела кадров.

Парень сидел на старом месте, только возле ног прибавилось окурков. Он встретил Ивана спокойным взглядом серых холодных глаз и чуть заметно усмехнулся.

– Катер возле затопленной баржи причален, – сказал ему Иван. – Как оформишься, приходи не мешкая. Катер номер семнадцать, запомни.

Парень вскочил, хотел что-то сказать, но из окна крикнул начальник:

– Прасолов!.. Ну-ка, зайди!..

Прасолов подхватил вещи, шагнул к крыльцу. В дверях остановился.

– Спасибо, капитан! С меня – пол-литра!..

С яблоками Еленка обернулась быстро: дежурила знакомая девчонка и без разговоров взяла мешочек. Впрочем, Никифоров считался тяжелым, лежал в отдельной палате, и доктор, вопреки обыкновению, пустил к нему жену еще до завтрака. Все эти новости сестра выпалила Еленке и ушла.

От больницы Еленка спустилась к рынку, купила мяса и, завернув его в припасенную газету, пошла на катер.

Поставив вариться мясо, Еленка переоделась и принялась за уборку. Открыв люк в кубрике, выколотила диваны, вытащила наверх одеяла и подушки. Потом достала швабру и, надев на босу ногу галоши, принялась с ожесточением скрести маленькое суденышко.

– Чего расстаралась, соседка? – спросила с ближайшего катера пожилая женщина-матрос. – До Ноябрьских далеко...

– Да я так. – Еленка почему-то смутилась и отвечала, не поднимая лица. – Все равно пока без работы стоим.

– А Никифоров как?

– Не видала я его, родных только пускают. Девчонка там знакомая работает, говорит, плохо, мол.

Вопрос любопытной соседки – нет, не о Никифорове, другой – застал Еленку врасплох. Еще вчера она и не думала об уборке, но сегодня на борт должен был

вступить кто-то посторонний, и ей хотелось по-хозяйски блеснуть чистотой, порядком и сытным обедом.

Где-то в глубине души она хотела, чтобы неизвестный оказался молодым и веселым, но думала об этом робко, словно тайком от самой себя, потому что и для нее и для Ивана куда было бы проще, если бы он был местным, имел на берегу дом, семью и все связанные с этим интересы. Такой человек не мог нарушить установившийся на катере порядок, и жизнь не требовала бы ни перемен, ни ухищрений. Все текло бы своим чередом – даже ее редкие ночные свидания с Иваном...

Размышляя об этом, она выдраила до блеска старый катерок и спустилась вниз, где на крохотной печурке кипел обед. Она успела только приподнять крышку, как на палубе гулко грохнуло, катерок качнуло и незнакомый голос громко спросил:

– Разрешите войти?

Она поспешно накрыла кастрюлю, вытерла руки и, старательно оправив платье, с опозданием крикнула:

– А кто там?

И полезла вверх, заранее смущаясь, потому что голос был насмешливым и молодым. Еще из рубки – сквозь стекло – она увидела рослого парня с чемоданом и вещмешком.

– Здравствуйте, – очень тихо сказала она.

– Привет, хозяйка. – Парень в упор разглядывал ее серыми глазами. – Будем знакомы: Прасолов Сергей Павлович.

– Лапушкина, – сказала она и, стесняясь, подала руку ковшиком, на мгновение. Потом спросила: – К нам, значит?

– К вам. – Он поймал ее взгляд, улыбнулся вдруг, как выстрелил: – Как вахта идет, товарищ Лапушкина?

От прямого, вызывающего взгляда, от вопроса, сбивающего на игривый, неравноправный тон, Еленка совсем сникла и, пробормотав что-то, торопливо спустилась в кубрик. Здесь она опять принялась за обед, все время с непонятной тревогой прислушиваясь к шагам над головой. Зная, каким звоном отзывается каждый шов палубы, она безошибочно определяла, что он делает там, наверху: тонко взвизгнула плохо смазанная петля носового люка, скрипнула дверь рубки, грохнул пол машинного отделения.

Парень грохотал по-хозяйски, не стесняясь, не спрашивая, что где лежит. Тяжело взревел двигатель, катерок мелко затрясся, но Сергей не выключал ход, а придирчиво гонял старенький мотор на всех оборотах, выслушивая каждый цилиндр. Он больше не беспокоил ее и не выходил из машинного отделения. Заглушив движок, звякал ключами, изредка что-то насвистывая. Даже когда пришел Иван, не вылез навстречу, а гулко крикнул снизу:

- Капитан, спуститесь-ка!..

Иван ушел к нему, и они долго не появлялись. Еленка сготовила обед, накрыла на стол, а их все не было, только голоса неразборчиво гукали в звонком трюме да дважды взревел запущенный двигатель.

Они спустились вместе – умытые, с розовыми, натертыми полотенцем лицами.

- Ну, я же сразу сказал, что в пятом цилиндре палец люфтует! – почему-то очень радостно говорил Сергей. – И форсуночки проверить не грех: подача паршиво отрегулирована, для дяди...

- Обедать, – сказала она, то снимая, то снова накрывая кастрюлю крышкой. – Стынет.

- С мясом! – улыбнулся Иван. – Ну, Еленка, расстаралась ты сегодня.

- Что же я! – крикнул Сергей и кинулся на палубу.

Он тут же вернулся с мешком и чемоданом.

- Для первого знакомства. – И со стуком поставил на стол бутылку водки.

– Это ты, парень, зря, – сказал Иван. – У нас закон: только по праздникам.

– Я, капитан, законы соблюдаю. – Сергей зубами надорвал пробку. – Ты что, матрос, два стакана ставишь?

– Выпей с нами, Еленка, – сказал Иван. – За знакомство.

Они выпили, и Сергей с Иваном завели длинный разговор о двигателе, который следовало бы перебрать, о работе, которую невозможно спланировать, о простоях и премиальных, переработках и выходных, и Еленка вскоре совсем освоилась, потому что новый помощник не обращал на нее никакого внимания.

– Вот ты говоришь: смесь богатая, – сказал слегка захмелевший Иван. – Ладно, богатая. Так. А есть резон регулировать? Есть резон экономить? Нету такого резона, потому что тут не об экономии думать надо, а наоборот: куда лишнее горючее деть.

– Много? – спросил Сергей.

– Две тонны вот тут. – Иван похлопал себя по шее. – Движок старый, масло жрет в три горла, а кто с этим считается? Нормы единые – по отношению к топливу. Вот и приходится из-за масла нормы завышать: пишешь «сто моточасов», а на самом-то деле хорошо, если полсмены отработал.

– Да и самому, наверно, не без выгоды, – усмехнулся Сергей. – Ты, капитан, не хмурься: нам теперь в одном кубрике щи хлебать.

– Катер наш на побегушках, и платят нам повременно, – сказал Иван, закуривая. – Просто глупость получается, вот какое дело. И не хотел бы, а сам собственной рукой каждый месяц моточасы приписываю, иначе без масла останусь.

– А если назад, на нефтянку сдать? Мол, излишки?

– За излишки, парень, хлестче бьют, чем за перерасход.

– Да, капитан, тут повертись! – засмеялся Сергей. – Ладно, что-нибудь сообразим: докажу, что не зря ты меня на крыльце подобрал... – Он прошелся, хлопнул по железному ящику в углу. – А что же музыка не работает?

– Перегорела музыка, – сказал Иван. – Надо бы радиста.

– Считай, что нашел. – Сергей подсел к приемнику. – Я на флоте кем только не был... – Он свинтил барашки, снял крышку: обнаружилась затянутая паутиной пустота. – А где же передатчик? Или не выдавали?

– Выдавали, – улыбнулся Иван. – В начале навигации все выдают – и приемник и передатчик. Приемник мы берем: известия послушать или музыку, а передатчик снимаем и – обратно на склад. Мороки с ним уйма, ответственность, а радистов на весь затон – два человека.

– Темные вы люди! – не то шутя, не то серьезно сказал Сергей. – Поддай-ка мне, матрос, отвертку да батарейку с наушниками. В чемодане они.

Еленка не сразу поняла, что он обращается к ней: так запросто, походя прозвучала эта просьба.

– Поддай, что просят, – сказал Иван. – Значит, разбираешься? Золотые, видать, руки.

– А это поглядим – золотые они или оловянные.

Работать он умел: не суетился, не ошибался в инструменте, не тратил силу там, где нужна была сноровка. Простучав с помощью батарейки цепи, нашел сгоревшее сопротивление, опять послал Еленку за какой-то коробкой, разыскал в этой коробке нужную деталь и кое-как, временно, поставил ее на место.

– На соплях, – улыбнувшись, пояснил он. – Раздобудь паяльник, матрос, сделаю намертво.

Иван недоверчиво хмыкнул, но Сергей тут же поймал «Маяк». В динамике что-то потрескивало, но слушать было можно.

- Вот и вся беда, - сказал Сергей, навешивая щитки на работающий приемник.

Они долго слушали музыку. Сергей попытался было подсвистывать, но поймал недовольный взгляд Ивана, замолчал и слушал дальше уже серьезно. И Еленке понравилось, что он поглядывает на Ивана с уважением, не выпячивает своих привычек, а подлаживает их под жизнь того кубрика, в котором ему теперь и спать, и щи хлебать...

Как только концерт кончился, Иван поднялся, щелкнул выключателем.

- Теперь полчаса объяснять будут, почему музыка хороша. Подай-ка костылек, Еленка.

Еленка подала стоявшую у трапа палку, спросила:

- Далеко ли собрались?

- Стариков надо проведать. - Иван глянул на Сергея. - Айда с нами, а?

Пошли втроем. Иван с помощником шли впереди, говорили о работе, о рейсах, о глубине судового хода и мелях, обозначенных по всему плесу сухими жердями.

Разговор был серьезным, и Еленка не решилась их окликнуть, задержавшись у ларька. Купила конфет старухе в гостинец, а потом долго бежала следом, потому что шли они широко и, увлеченные разговором, не заметили, что она отстала. Догнала возле баржи-такелажки, да и то потому, что Иван остановился.

- Гляди, парень, вот в этих хоромах настоящие волгари живут, потомственные, - сказал он, указывая палкой на старую, замшелую баржу. - Здесь теперь склад такелажный, а хозяин - шкипер, значит, - с хозяйкой жильё себе оборудовал. Утеплил, ну, печку я им сложил, и - живут!

- А зимой?

- И зимой тоже. Прежде на брандвахту переселялись, а теперь не хотят. Приросли к этой барже, как чага к березе. Да и то, деваться старикам особо некуда: было два сына - война забрала, а дочь в городе Ленинграде живет,

замужем. Ну, и опять же в Ленинграде вода другая, а тому, кто на Волге вырос, это не все равно.

– Скотинка у них тут, – улыбнулась Еленка. – Кот Васька, собака Дружок да коза Машка. Невелик зоопарк, а есть каждый день просит.

– Люди они старые, а значит, с чужинкой, – сказал Иван. – Ты учти это, Сергей.

– Будет сделано, капитан. Не у бабы-яги росли, понимаем...

Иван первым ступил на хлюпающие сходни, и, как только чмокнули они под его тяжестью, тотчас же настороженно тьякнула собачонка.

– Свои, Дружок, свои! – крикнула Еленка, проходя вслед за Иваном на баржу.

Собака подошла, ткнулась в ноги Еленке, обнюхала Сергея и, степенно помахивая хвостом, проводила до тяжелой двери. Иван стукнул в дверь палкой, приоткрыл, крикнул в сумрак коридорчика:

– Можно, хозяйева?

Никто не отозвался, но они, не задерживаясь, прошли этот коридорчик, и Иван постучал в следующую дверь – такую же тяжелую, срубленную, вероятно, еще в прошлом веке.

– Кого бог несет? – донесся из-за двери скрипучий старушечий голос, показавшийся Сергею неприветливым.

При этих словах Иван распахнул дверь и посторонился, пропуская Еленку и помощника.

Они вошли в кухню, крохотную из-за громоздкой русской печи. В кухне стоял тяжелый корабельный стол, который не дрогнул бы и от десятибалльного шторма, и такие же, рубленные топором, лавки.

У квадратного оконца сидела сухонькая, чистенькая старушка с черными, живыми и, как опять показалось Сергею, недобрыми глазами. Строго поджав

губы, она молча смотрела на них.

– Здравствуй, Авдотья Кузьминична, – сказал Иван и подал старухе руку. – Вот нового помощника привел для знакомства.

– К чаю успели, – сказала старуха, сунув Сергею жесткую, как наждак, ладонь и расцеловавшись с Еленкой. – А познакомиться – еще познакомимся: до ледостава далеко.

Сказавши это, она отвернулась и начала доставать из стенного шкафчика граненые стаканы.

Еленка осталась помогать ей, а мужчины прошли в комнату; в проеме вместо двери висела ситцевая занавеска. Здесь стояли кровать со множеством подушек, платяной самодельный шкаф, дерматиновый диван, несколько стульев и стол – точная копия того, кухонного. За столом сидел грузный, в седых космах старик и читал толстую растрепанную книгу. При виде вошедших он аккуратно заложил книгу листочком и снял круглые железные очки.

– Здорово, капитан, – сорванным голосом сказал он. – Слышал уж и про беду твою, и про удачу.

Старик крепко пожал им руки, они сели, и Иван спросил с удивлением:

– Что сипишь-то, Игнат Григорьич? Простыл?

– Да вот... – Старик покашлял, покосился на занавеску, помял пальцами большой, заросший седой куделью кадык. – Должно, так...

– Где там! – крикнула из кухни старуха. – Напился в Петров день да все песни играл, как молодой!

Старик смущенно крякнул, но спорить не стал. Закурил предложенную Иваном папиросу, глянул на Сергея выцветшими, но еще по-молодому пристальными глазами:

– Волгарь?

- Саратовский.

- Или там работы нет?

- Работа везде есть, - осторожно ответил Сергей.

- Посторонитесь-ко, - сказала Еленка, внося кипящий самовар.

Она поставила самовар на стол, опять пошла на кухню. Старик крикнул вдогонку:

- Мать, а мать, пошуруй-ка в шкапчике!..

- Шурую, - отозвалась старуха. - Ты уж тут так прошуровал, что и глядеть-то не на что.

- Не надо, Игнат Григорьич, - поспешно сказал Иван. - Не хлопчите.

- Твое дело, Ваня, гостевое, - сказал шкипер, вставая. - А нам для знакомства обычай велит.

Он прошел на кухню. Сергей ударил кулаком в ладонь, зашипел:

- Неладно получается, капитан. Старики, понимаешь, шуруют, а мы... Давай я сбегаяю?

- Ох, напрасно все это! - вздохнул Иван. - Не к месту, не ко времени... Да и не достанешь уже: закрыто.

- Это я-то не достану? - улыбнулся Сергей. - Засекай время, капитан...

В дверях он столкнулся со шкипером: старик торжественно нес четвертинку.

- Такой, стало быть, нынче улов, мужики... Ты куда это, парень?

- Четверть часа поскучайте, - сказал Сергей и вышел.

Он вернулся быстрее, чем обещал: вошел красный, запыхавшийся, но довольный. Молча поставил на стол бутылку, сел слева от шкипера.

- Выпить захочется - так и парилка не нужна, - улыбнулся старик.

Стол был уже накрыт: сопел самовар, стояли стаканы, соленая щука, вяленый лещ, грузди прошлогоднего засола - уже склеенные, пожухлые, моченая брусника, отварные, крепенькие - одна к одной - сыроежки в уксусе.

- Все теперь на вино горазды, - сказала старуха. - Что мужики пьют да бабам подносят - это не удивительно, а вот что бабы пьют да мужикам подносят - это уж совсем на удивление.

- Вот я тебе, мать, и поднесу, чтоб меньше удивлялась, - улыбнулся шкипер и налил старухе на донышко граненого стакана. - Ну, гости дорогие, выпьем, как говорится, за хлеб да за сено, за пол да за стены, за мышку, за кошку, за нашу дворняжку да за козу Машку.

Мужчины выпили, а женщины только пригубили и тут же отставили стаканы подальше.

- Кушайте, гости дорогие, - сказала старуха и, отломив корочку хлеба, стала жевать ее передними уцелевшими зубами.

Еленка ухаживала за ней, выбирая кусочки помягче и повкуснее. Авдотья Кузьминична принимала эти знаки внимания с царственной невозмутимостью.

- Мы с тобой на той неделе по чернику пойдем, - сказала она. - Как, Иван, отпустишь матроса-то?

- Да какая тебе черника сейчас! - засмеялся шкипер. - Ноги убьете да комаров покормите - вот и вся добыча.

- Сегодня у нас что? - спросила Авдотья Кузьминична и сама же важно пояснила:
- Сегодня у нас семнадцатое, по-старому - день Андрея Наливы и память иконы

божьей матери Ганатской. Через четыре дня – Казанская. А на Казанскую, считай, так: поспела черника, поспела и рожь. Зажинки в старину начинались, песни по вечерам молодежь играла, и хороводы водили в поле.

– Это же когда было-то, мать? – улыбаясь, спросил шкипер. – Это тогда было, когда мы еще без химии жили. А теперь все смешалось и календарь твой недействительный.

– То не мой календарь, а божий, – строго сказала старуха. – Земля по божьему календарю творит.

– Ну, насчет приметы это верно, – сказал старик, сдаваясь. – Коли черника, то и рожь. Это верно.

– А насчет леща какая примета, Игнат Григорьевич? – спросил Иван. – Пообещал я, понимаешь, Никифорову мальчонке...

– Лещ вообще-то берет, – сказал шкипер. – Однако жара стоит, звон в воздухе, а он этого не любит. В глубину ушел, к стрежню поближе. Попробуй с плотов, что против Никольских островов зачалены.

– А на приваду что?

– Кашку свари покруче: пшенку либо перловку. Анисовых капель добавь маленько, чтобы дух по воде шел. А червей я тебе дам.

Червей старик разводил сам в железном ящике, подсыпал им мучицы и спитого чаю, раз в два дня поливал разведенным молоком. Черви у него росли крупные, вертлявые, ярко-красные – один в один, не в пример бледным и тощим обитателям супесных берегов.

– Давай, мать, за молоком завтра наостройся, – озабоченно сказал старик. – Пятые сутки червей одним чаем потчую.

– А что же Машка-то ваша? – спросила Еленка. – Или забастовала?

Старуха горестно вздохнула, а шкипер засмеялся:

– Тю-тю наша Машка! Продали мы Машку-то свою. Аккурат в Петровки и продали.

– Продали?... – ахнула Еленка. – Да как же так?

– Расскажи, мать. Повесели гостей! – смеялся шкипер.

– Смеху тут немного, – вздохнула старуха. – А дело было так. Задумала я козленочка поиметь...

– Это она задумала, она!.. – хохотал шкипер. – Не Машка, Трофимыч, а она!

– Да будет тебе, – отмахнулась старуха. – Ну, покормила я свою Машку, почистила, причесала – ладненькая такая козочка стала, аккуратненькая. Григорьич ей рюмочку поднес – заиграла моя Машка, как молодая: копытцами бьет, глаз имеет, трепещет вся. Ну, думаю, быть мне с козленочком. Привела ее на пункт, фельдшеру предъявила. Осмотрел ее фельдшер, огладил. «Давай, говорит, Кузьминична, с богом на святое дело. Сейчас, говорит, Борьку приведу». Отвел он меня во дворик, указал, куда Машку привязать, а сам ушел. Привязала, стою. Обошлось, думаю, не углядел фельдшер, что Машка-то ровня мне будет, если по козлиному веку считать. Только это я порадовалась, фельдшер козла вводит, Борьку то есть. Глянула я: батюшки светы, бугай! Ну, чистый бугай: грудь колесом, рога как оглобли и землю копытом роет. «Не мешай ему, – говорит фельдшер, – Кузьминична: дело он свое знает, породы знатнейшей, только, говорит, с норовом, паразит». Впустил он, значит, его, а сам пошел: дела, мол. Ну, я стою, жду. И Борька стоит. И Машка моя вздыхает, ножками перебирает, глаз на меня косит: перепугалась, видать. Машенька, говорю, касаточка, не бойся, говорю. Он, говорю, только с виду такой архаровец, а так – козлик как козлик. Только это я сказала, Борька вдруг фыркнул этак насмешливо, подскочил да как с разгона даст Машке в бок. Машка – и ножки кверху, а он, паразит, развернулся да этим же манером мне в зад рожкищами-то своими! Я и с копыт долой. Валяемся вместе с Машкой в пыли, а он отошел в сторонку и ровно смеется над нами. Поднялась я: пойдём, говорю, Машка, домой. Видно, говорю, стары мы с тобой стали: фельдшера еще обмануть можем, а уж козлов этих чертовых...

– Разобрался козел-то! – весело кричал старик. – Сразу, брат, и разобрался, и меры принял!..

– Вот и решили мы Машку продать, – вздохнула старуха, не обращая внимания на шумную веселость мужа. – В Петров день и продали. Наревелась я, как веревку-то из полы в полу передавала, а этот, – она кивнула на шкипера, – только водку глотал да песни орал с радости.

– С горя, мать, с горя! – сказал шкипер. – И мне Машку жалко, но обновление в жизни должно быть.

– Неужели продали? – тихо спросила Еленка, все еще не веря.

– Уговорил, – опять вздохнула старуха. – Неделю балабонил: телка, говорит, купим.

– Телок-то получше будет, – сказал вдруг Сергей.

– Да, – сказал старик, закуривая. – Коза – ту хоть газетами корми, а коровке сенцо подавай.

– Ну, вот и на попятный, – пригорюнилась Авдотья Кузьминична. – Ну, ровно чуяла я...

– Будет, мать, у тебя телок, будет, – сказал шкипер. – Я от своего слова сроду еще не отказывался. А что сено теперь дороже молочка, так это тоже надо учесть.

– Без коровушки и дом не дом, а так, общежитие, – тихо сказала старуха. – Ты вот, Еленка, не понимаешь этого, а когда зимой-то стоит она за стеной да вздыхает, до того тепло на душе становится, до того радостно... Это ведь скотина добрая, незлобивая, а уж такая ласковая, такая привязчивая, что и человек рядом с нею ровно оттаивает. И уж не о суетности мирской, а о вечном думает, о добром...

– Христианка ты у меня, мать, – улыбнулся шкипер. – Чуть что – сразу по Писанию.

– Крестьянка, – строго поправила старуха. – Крестьянка я, Игнаша, крестьянская дочь.

– А ты, Игнат Григорьич, с колхозом насчет сена не говорил? – спросил Иван. – Может, столкнешься: выделяют деляночку. А с покосом мы тебе всегда поможем.

– Покос не вопрос, да осока в цене высока, – улыбнулся шкипер. – Тыщу лет деда наши осоку эту с низин выводили, а мы ее обратно единым махом.

– Как это так? – спросил Сергей.

– Просто, парень: пойму затопили. Все заливные луга, все низинки да ложки под воду ушли, а остались одни косогоры, где сроду ничего, кроме бурьяна, и не росло.

– Да, убили красу, – вздохнула старуха.

– Странные это рассуждения, – сказал Сергей. – Много чего, конечно, жалко, но не это же главное. Главное – электроэнергия. Энергия, а не цветочки в девичьи веночки. А потом – чего старое-то жалеть? Отгуляло и – не брыкайся!..

– О сегодняшнем дне все стараемся, – перебил шкипер. – Сегодня купить на рупь пятак, а завтра – хоть трава не расти. Так?

– Не так! – резко сказал Сергей. – Энергия – это и сегодня, и завтра, и вообще... Красоты не будет, да? Ну, этой не будет, так другая будет, велика ли важность.

– Ладно, отложим красоту. – Шкипер надел очки и достал книгу, которую читал до их прихода. – Парень, я вижу, ты деловой, и красота тебе – как безногую валенку. Давай и мы по-деловому рассудим. Знаешь ли ты, парень, что такое луг вырастить? Не год на это уходит, не сто лет – тысяча. Тысячу лет люди луга эти пестовали, кочкарник да лютик всякий на нет сводили, кусты корчевали, болота сбрасывали. И лугам цены не было, и скот нагуливался тут такой, какой сейчас только на выставке и увидишь. Теперь же луга эти под воду ушли карасям на утеху, низины позатопило, и всего в приплоде имеем одну осоку да болотный мох.

– Ежи пропали, – сказала вдруг старуха. – Раньше ежей в лесу было – тьма-тьмушная, а теперь совсем пропали.

– Сырость, – подтвердил старик. – Боровая дичь да зверье начисто из этих мест ушли. А лес с ними сжился, они ему помогали, он их кормил. А сейчас что будет? Утка тебе семян не разнесет – для этого белка нужна, глухарь, тетерев. И с этой стороны лесу – полный карачун, и через сотни лет внуки наши одну сплошную ольху вдоль всей Волги увидят – там, где на нашей еще памяти мачтовые сосны шумели.

– Да все устроится, – сказал Сергей. – Ну, напортачили, конечно, это есть, а панику поднимать не стоит. Сейчас в наших руках техника, атом, химия – все исправим, дайте срок!..

Старик угрюмо молчал.

– Домой! – сказал Иван и встал. – Спасибо вам, хозяйева, за хлеб-соль, за ласку...

Ночь выдалась черная, звездная, густая. Ивана чуть пошатывало, и Еленка вела его под руку. Сергей шел сзади, сунув руки в карманы. В сонной тишине тяжело ударил запоздалый жерех.

Разбудили их рано: в четвертом часу гулко загрохотало над головой:

– Эй, хозяйева, к диспетчеру на полных оборотах!..

В кубрике было еще темно. Еленка сидя натянула платье, соскочила на холодный пол. Иван уже возился наверху, открывая задранные на ночь люки.

– Видать, в Красногорье пойдём, – сказал он. – Туда пораньше надо, пока плотами ход не заставили. Отдавай чалку, Сергей.

Сергей спрыгнул на баржу, отпутал разлохмаченный старый канат, спросил:

– А завтракать?

– На ходу. – Иван запустил двигатель. – Еленка покормит по очереди.

До десяти они без отдыха сновали по реке: ходили в Красногорье, возили приказ в контору, проволоку на вторую сплоточную, монтеров в самые верховья: там открывался хлебный ларек. Хлопот было много, а еще больше – криков и недовольства, потому что всем было некогда, а старенький катерок никак не мог одновременно поспеть в разные концы.

– Вот глупость-то! – сердился Сергей. – За каждым нарядом к диспетчеру мотаться – это ж придумать надо!

Катер стоял у причала: надобность в нем вдруг схлынула. Из кубрика появилась Еленка. Выплеснула помой, сказала ворчливо:

– Люльку бы забросили, что ли.

Иван снял с крыши рубки снасть, вместе с Сергеем собрал дуги в крестовину, натянул сеть.

– Маловата люлька-то, – сказал Сергей.

– В норме, – пояснил Иван. – Полтора на полтора, больше инспекция не велит.

Он закинул люльку с кормы, подождал, пока она ляжет на дно, закрепил веревку за леер.

– И ловится? – спросил Сергей.

– На еду хватало.

Помолчали. Сергей, покурив, кинул окурок за борт, спросил:

– Поглядеть?

– Погляди, – сказал Иван.

Сергей прошел на корму, намотал на руку веревку, рывком поднял из воды. Край зацепился за обшивку, дуги спружинили, подбросив в воздух брызги и двух

небольших подлещиков, серебряно блеснувших на солнце.

- Я ж говорю, мала сеть!..

- Не рви, - сказал Иван. - Тащи спокойно, рыба целее будет.

За сорок минут поймали полтора десятка окуней и подлещиков - мелких и тощих. Иван не удержался:

- Федор на это дело мастак был...

- Трофимыч! - крикнули из окна диспетчерской. - Давай пока к нефтянке!..

- Ну, считай, еще пятьсот литров на мою шею, - вздохнул Иван.

Сергей вытащил люльку, положил ее на корме, отдал чалку. Иван завел двигатель, стал отводить катер кормой вперед, разворачиваясь. Сергей заглянул в рубку:

- Дай постоять.

- Становись. - Иван отошел в сторону, сдвинув к стенке высокий табурет на трех ножках. - Держи пока на створы.

Сергей стоял за штурвалом, чуть расставив ноги, ссутулившись. Поначалу он нарочно повалял катер с борта на борт, проверяя, как он слушается руля и велик ли свободный ход. Катерок рыскнул несколько раз, но выровнялся и точно, как по нитке, пошел на створы. Иван молчал, приглядываясь к помощнику: все в нем, начиная с позы, убеждало, что парень ходил по воде.

- Клади направо, к мыску.

Сергей заложил так, что катер не пришлось подравнивать.

Иван одобрительно улыбнулся:

– Ловко.

– На том и держимся! – весело ответил Сергей.

Он мягко причалил к нефтянке – чистенькой, выкрашенной в красную краску нефтеналивной барже. Передал штурвал Ивану, спрыгнул на баржу, зачалил катер.

На шум вышла приземистая молодуха в платке и телогрейке. Из-под короткой юбки выглядывали ярко-синие рейтузы.

– Не курить, мужики! – привычно крикнула она.

– Здорово, хозяйка, – весело сказал Сергей, с удивлением разглядывая толстуху. – Ты чего это вырядилась, как дед-мороз?

– А ты посиди здесь восемь часов, так узнаешь. – Она встретила его взгляд, с готовностью заулыбалась, сразу порозовев всем скуластеньким, некрасивым лицом. – Новенький, что ли?

– Вместо Никифорова, – сказал Иван. – Вот наряд, Шура.

– Пьете вы горючку, что ли? – удивилась Шура, взяв наряд. – Идем, распишешься.

Она еще раз глянула на Сергея, хихикнула и пошла к каюте. Сергей метнулся к катеру, зашептал:

– Погоди тут, капитан...

Торопливо прошел в каюту. Иван открыл горловины баков, промыл фильтры, подтащил рукав от третьей помпы (он всегда заправлялся от нее), подсоединил.

– Ой, щекотно!.. – громко взвизгнула толстуха. Из каюты вышел Сергей. Подошел к Ивану, давясь от смеха:

– Ну, дура! Страшное дело... Ты какой подсоединил?

- Третий.

- Ну и держи его покрепче.

Кинулся к первой помпе, сунул рукав в вентиляционное отверстие, включил: топливо туго побежало по рукаву, перекачиваясь из отсека в отсек. В дверь выглянула Шура:

- Ты чего колдуешь?

- В порядке! - Сергей шагнул к ней, оттесняя в каюту. - Давай-ка, девочка, документики проверим...

- Ну, ты, медведь! - Шура крепко ударила его по спине. - Ты руками-то не очень, слышишь?

Дверь за ними закрылась. Иван хмуро держал пустой рукав. Рядом мерно работала помпа, гоняя топливо по замкнутому кругу. Щелкала стрелка, отсчитывая литры. Из рубки вышла Еленка.

- Скоро?

- Скоро... - Иван помолчал. - Обманываем, Еленка.

- Как так?

- Он другую помпу включил. Переливает из пустого в порожнее.

- Молодец! - улыбнулась Еленка. - Давно бы так.

- А у Шурки лишнее окажется.

- Вы за Шурку не беспокойтесь, Иван Трофимыч. Шурка лишнее колхозу за полцены продаст и вам же спасибо скажет.

Из каюты выскочил Сергей, глянул на счетчик.

- Шестьсот нащелкало.

- Хватит, Сергей.

- Давай уж до тысячи, капитан. До тысячи я, пожалуй, выдержу.

Улыбнулся Еленке, подмигнул шальным, победным глазом, опять скрылся в каюте.

- Хват, - неодобрительно заметил Иван.

Еленка промолчала. Посидела немного, ушла в кубрик.

Пришел Сергей. Усмехаясь, быстро отключил помпу, смотал рукав. Шуры не было.

- А масло? - спросил Иван.

- Двойная норма. По знакомству.

Вдвоем накачали масла в бак. Иван прошел на катер, закрыл горловины.

- Готово, Шурочка! - крикнул Сергей.

Вышла Шура. Остановилась в дверях - непривычно тихая, с застывшей улыбкой:

- Дом пять. С палисадничком.

- Угу, - кивнул Сергей, отдавая чалку.

- Обманываешь, поди? - тихо спросила она.

- Ровно в восемь, как договорились. До встречи, курносая! - Прыгнул на катер, не оглядываясь, прошел в рубку. - Дура стопроцентная.

Иван молчал. Он отводил катер кормой и сквозь стекло рубки видел толстуху. Она стояла у борта, держась за леер, и глядела им вслед.

- Веди, - сказал Иван, отходя от штурвала. - К диспетчерской.

Сергей посмотрел на него, усмехнулся:

- Мне еще противнее, капитан. А что сделаешь? Жизнь такая, что только поворачивайся побойчей, а то затолкают.

У диспетчерской их ждала высокая худая женщина в белом платочке, повязанном вровень с бровями. Она выхватила у Сергея канат, неумело зачала, приговаривая:

- Да сама я, сама... Не беспокойтесь.

- Паша?.. - Иван торопливо прохромал к носу. - Ну, давай шагай на катер. Как Федор?

- Да все так же, Иван Трофимыч, все так же. Кланяться вам велел, благодарил. И я вам благодарная, Иван Трофимыч, так я вам благодарная...

Она тихо заплакала, утирая слезы концом платка.

- Будет тебе, Паша, - сказал Иван. - Садись вот сюда.

- А Федя лежит, - совсем тихо сказала Паша. - Не шевелится, тихо лежит, спокойно...

- Да... - Иван вздохнул, присел рядом, вытянув хромую ногу. - Была в кадрах?

- Была, Иван Трофимыч. Оформили меня. Вот. - Паша достала новенькую трудовую книжку. - Я ведь работать пришла, Иван Трофимыч. Я за Федю моего.

- Домой ступай, - сказал Иван.

– Да как же, Иван Трофимыч? Ведь матросом я к вам. Пятьдесят рублей положили мне...

– Двадцатого приходи. Получка у нас двадцатого и пятого каждого месяца.

– Вы позволите, Иван Трофимыч, хоть постираю с вас. Рубашечки, может, бельишко. И товарища вашего.

– Не надо, Паша, спасибо. Ступай домой. Вовке скажи, что жду его к семи, как условились.

Потом их срочно отрядили тянуть плот – «воз», как это именовалось здесь. Многотонная громадина длиною в четверть километра медленно ползла сзади, катерок, задыхаясь, волок ее, дрожа корпусом и глубоко осев кормой. Трос звенел, как струна.

– Сдадим и пообедаем, – сказал Иван. – Пора уж.

Он сидел перед рубкой рядом с бригадиром плотовщиков – рослым, угрюмым мужиком, ехавшим на буксир оформлять акт о сдаче плота. Бригадир всю дорогу радовался, что работа идет без перебоев, и этот плот – уже сверхплановый.

– Премию дадут, Трофимыч. Рубликов, думаю, полтора ста. Может, сена раздобуду: лето уже за половину зашло...

Навстречу шел «Быстрый» – катер сплавконторы. Сергей дал отмашку по борту, но «Быстрый» с ходу подошел почти вплотную.

– В два митинг!.. – прокричал в рупор капитан. – У конторы! Понял, Трофимыч?

– Понял, Антон Сергеич! – крикнул Иван, и катер ловко отвалил в сторону.

– Точно, говорили насчет собрания, – подтвердил бригадир. – Ну, Трофимыч, кажись, с тебя причитается...

Сдав плот, они ходко пошли к конторе. Причал был весь забит катерами, и Иван отшвартовался у борта самоходного топлякоподъемника.

- И вас с работы сняли? – удивился он.

- Приказ такой, – ответил капитан подъемника, совсем еще молодой, плавающий самостоятельно первую навигацию.

Через топлякоподъемник к ним пробирался председатель месткома Володька Пронин – в белой рубашке, при галстуке, с папкой.

- Ну, быстренько, быстренько, люди ждут. Значит, повестка такая: я информирую о вашем трудовом подвиге, затем...

- Ох, Володя, не надо!..

- С воспитательной целью...

Тут из рубки вылезла Еленка. Пронин пронзительно глянул на нее.

- Товарищ Лапушкина, вы бы приделались. Перед народом стоять будете.

- Не пойду я, Иван Трофимыч...

- Живо, живо, товарищ Лапушкина! – крикнул Володька.

Еленка завоzilась, переодеваясь, и вышли они на площадь, когда народ уже собрался. Володя шел впереди, пробираясь к спешно сооруженной трибуне. Люди с готовностью уступали дорогу.

- Здорово, Иван Трофимыч!

- Гляди, Еленка-то, Еленка-то сияет!..

- Трофимыч, магарыч не зажми!..

Вслед за Прониным они поднялись на трибуну, где уже стояли директор Юрий Иванович, парторг Пахомов и Николай Николаевич. Володька прошел к перилам

трибуны, на ходу доставая из папки исписанный лист.

Иван не слушал, о чем кричал Володька. Он стоял неуклюже вытянувшись, не зная, куда девать ставшие вдруг ненужными руки. Впопыхах он забыл палку, нога замлела, но он не решался шевельнуться. Он был оторван от своих и мучительно стеснялся и хромой ноги, и небритых щек, и мятых, давно не глаженных брюк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/boris-vasilev/ivanov-kater>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)